

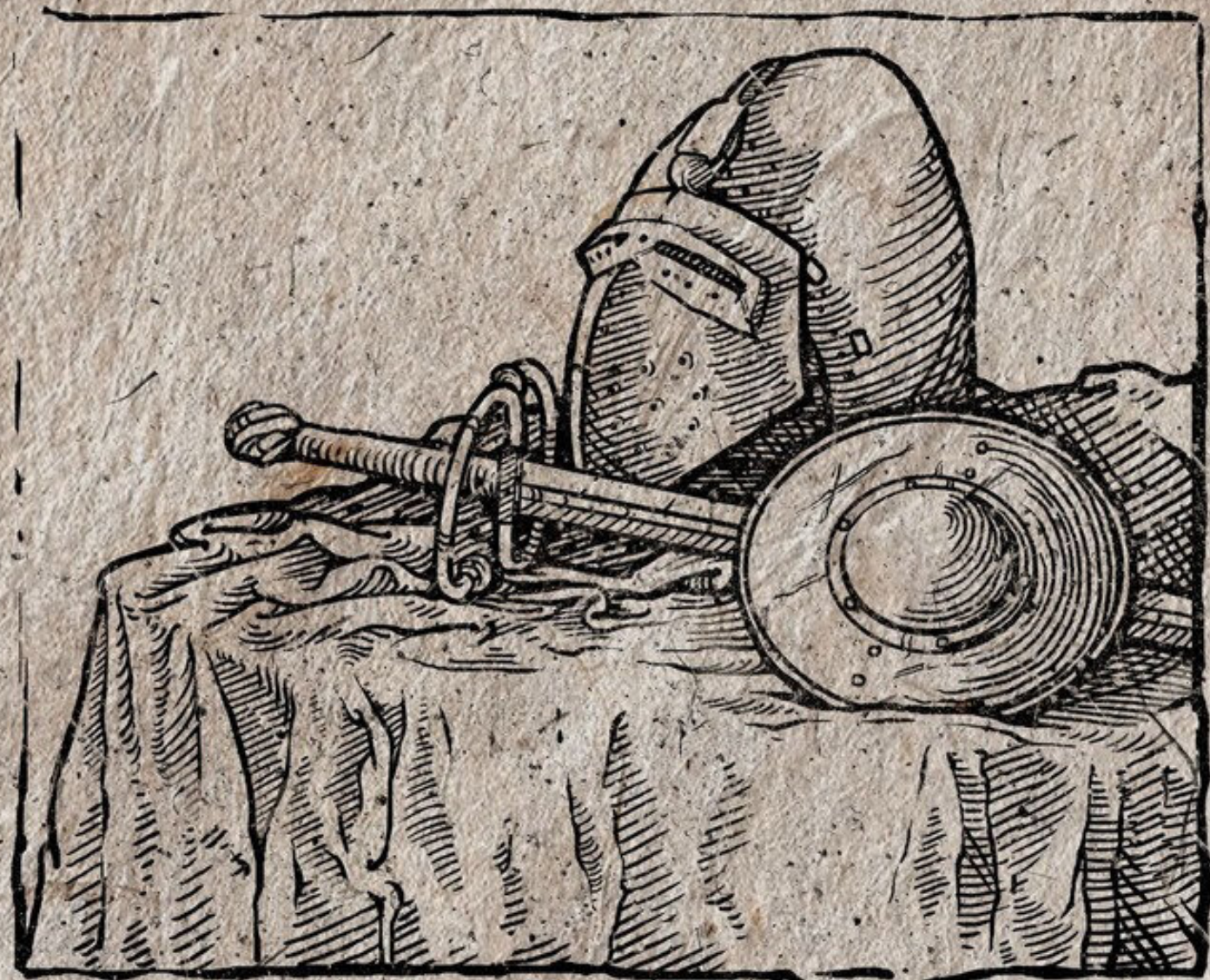
18+

Майоров П. А.

Вольные города

Книга 1

Сальховая пуща

Павел Майоров

**Вольные города:
Ольховая пуща. Книга 1**

«Издательские решения»

Майоров П. А.

Вольные города: Ольховая пуща. Книга 1 / П. А. Майоров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695009-2

В вольном городе Ольхов беспокойно. Пришлые из оккупированных империей земель южане подминают под себя все дела города, что не устраивает местных. Выходцы из гильдий и коммун, недовольные нынешним порядком, объединяются для борьбы. Волею судьбы молодой, но уже многое повидавший наёмник Фалько Ройтер из Тиля оказывается в эпицентре разворачивающейся заварушки. Кто определит будущее города — чужаки, старые элиты или те, кто готов пролить кровь за влияние? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-695009-2

© Майоров П. А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вольные города: Ольховая пуща

Книга 1

Павел Андреевич Майоров

Корректор Сергей Ким

© Павел Андреевич Майоров, 2026

ISBN 978-5-0069-5009-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-5010-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Лето шло на убыль. Дни становились короче и холоднее. Заготовка дров на зиму шла полным ходом. Большинство мужчин, от мала до велика, рано утром уехали в лес, за исключением немолодого толстого попа с мелкими поросычьими глазками и щуплого высокого дьяка с рыжей козлиной бородкой. Они сидели в тени под яблоней и о чём-то тихо переговаривались. К ним, опираясь на клюку, брёл коренастый человек лет шестидесяти с седой окладистой бородой.

– Отец Иеремия! – чуть склонил голову он в приветственном поклоне. Священнослужитель поднялся со скамьи, дьяк тут же последовал его примеру.

– Дорогой староста, как ваша нога? – учтиво спросил первый, голос его был бархатным и низким.

– Лучше, лучше, слава богу! – целуя протянутую руку, отвечал старик.

– Здоровы будьте, господин староста, – склонил голову дьяк, его голос больше походил на скрип несмазанных дверных петель.

– И тебе не хворать, Клаус, – кивнул староста в ответ и, переводя взгляд обратно на священника, продолжил: – Приехал купец Гёртнер по поводу нашего дела.

– И что же? – глаза отца Иеремии вспыхнули живым интересом.

– Говорит, что всё готово. Человек может выдвигаться, нужно только передать ему бумаги, – последнее слово он, чуть склонив голову, прошептал.

– Человек толковый? – взволнованно полушёпотом спросил поп.

– Купец ручается за него, говорит, что ловкий.

Поп кивнул и обратился к дьяку:

– Клаус, принеси бумаги, они в кабинете, в первом ящике стола.

Тот немедля трусцой кинулся в сторону крепкого, каменного, двухэтажного дома, стоящего недалеко от кирхи святого мученика Бартоломея, приходским священником коей был отец Иеремия.

– Дело лихое... – как бы сомневаясь, начал староста.

Он переминался с больной ноги на здоровую и покусывал обветренные губы. Лицо его выражало глубокую озабоченность.

– Дорогой мой друг, – поп положил свои толстые руки на плечи старику, отчего тот чуть не потерял равновесие, – то не наша забота и не наш грех, в конце концов, все по воле Божьей.

– Как же, по воле Божьей, – насупился старик.

– А разве то не подлый изувер, истинного Бога не почитающий? – голос святого отца словно обволакивал мозг старосты.

– Так-то оно так, но...

– Дело уже решено, поздно идти на попятную, – оборвал его Иеремия, скрещивая руки на груди, на которой висело большое серебряное распятие.

– Не хочется грех на душу брать, – как бы оправдывался староста, не надеясь, правда, на то, что священник внемлет его словам.

И не ошибся, отец Иеремия продолжил гнуть свою линию:

– Нет в том греха, то дело богоугодное!

Старик насупился и кивнул, не желая продолжать препирательства. Он понял, что разговор бесполезен. Поднялся ветер, он уже был отнюдь не летним.

– Скоро листва желтеть начнёт, – поёжился хромой, – мужиков всех отправил по дрова.

– Отлично, отлично! – усаживаясь на лавку, сказал поп. – Зимы нынче холодные, дров нужно в два раза больше, чем каких-то пять годков назад.

– Истину глаголите, святой отец, – сел рядом староста и облокотил трость на скамью, – зимы затяжные начались, хватило бы припасов до тепла...

– Коль не хватит, прикупим у соседей!

– Соседи наши бедствуют...

– Город под боком, не пропадут мужики! Особенно если дело наше выгорит! – горланно засмеялся святой отец.

– Это всё хорошо, – чесал затылок старик, – да вот опять дорогу засыпет...

Уставший от нытья старосты священник с радостью указал на появившегося в дверном проёме дьяка.

– Возвращается, блудный сын!

Староста беззубо улыбнулся и уставился на козлобородого. Тот нёс кипу бумаг в руках. Шёл торопливо, на своих тонких и длинных ногах, чуть поёживаясь на ветру. Старик принял бумаги из его костлявых пальцев. Осмотрелся по сторонам, никого не увидев, бегло просмотрел бумаги и удовлетворённо кивнул.

– Порядок? – поинтересовался святой отец.

– Да, да, всё как нужно! – закивал староста, поднимаясь. – Поспешу к Гёртнеру!

Раскланявшись, он удалился, предварительно получив благословение святого отца. Поп, в свою очередь, направился в сторону дома. Шёл он медленно, смотря себе под ноги, но это его не уберегло. Оступившись, он поскользнулся и упал на сырую после дождя землю. Дьяк рванул к нему.

– Чёрт тебя подери, Клаус! Где ты? – раскраснелся священник, неуклюже размахивая конечностями.

– Иду! – панически ответил тощий дьяк и попытался помочь подняться отцу Иеремии, но безуспешно.

– Боюсь, не справлюсь, святой отец! – виновато проскрипел он.

– Зови Клару, болван! – ругался красный, как варёный рак, толстяк.

Глава 1

Молодой Фалько Ройтер сидел в придорожной корчме «Спящий великан», что у деревни Ольховая пуца под вольным городом Ольхов. Он приехал сюда часом ранее на пегом мерине, которого купил утром у какого-то колченогого старика на городской ярмарке. Коня звали Соломой, он был не стар, покладист, но не расторопен, впрочем, как и большинство мерин. Оставив его местному конюху и заплатив вперёд за прокорм, он вошёл в таверну.

Народу было не мало, за столами сидели проезжие купчишки, чьи телеги стояли у дороги. Крестьяне, отдыхающие после тяжёлого трудового дня. Были тут и добрые люди при оружии – скорее всего, наёмники.

За порядком следили два крепких южанина, выходца из Варачанского царства, которые ныне были подданными империи. Одного он приметил на крыльце, тот стоял, присанившись, и поигрывал деревянной дубинкой. Сам был лыс и бородач. Второй, поменьше ростом, но такой же крепкий и бритоголовый, как и первый, бороды не носил. Он сидел в дальнем углу и внимательно наблюдал за особо шумным крестьянином, что перебрал с хмельным и горланил какую-то нескладную песню, слова которой было не разобрать. Он успел надраться в умат, хотя солнце ещё не зашло за горизонт. Фалько подошёл к корчмарю, человеку грузному, с гладко выбритым отёчным лицом. «Тоже варачанец, чёрт бы их побрал», – подумал Фалько, а вслух сказал елеинным голосом:

– Доброго дня, сударь!

Толстяк пренебрежительно осмотрел потёртую одежду гостя и кивнул, без намёка на уважение.

Фалько зачем-то принялся оттягивать кончик бороды и наматывать его на указательный палец правой руки.

– Есть свободные комнаты? – перешёл он к теме разговора.

– Полталера за ночь, – невесело ухмыльнулся трактирщик, говорил он с акцентом, так знакомым Фалько по трёхлетней гарнизонной службе в приграничном городе Сарышин.

– Неужто вы шутите? – изумился Ройтер.

– Желающих нынче много, если цена не устраивает, можешь поспать на конюшне за десять крейцеров.

Потребовалось некоторое усилие, чтобы не съязвить в ответ. Наёмник набрал в грудь побольше воздуха и ответил не сразу. Ему пришла в голову интересная мысль: спросить корчмаря, не зачала ли его матушка на конюшне, предавшись страсти с молодым жеребцом. Однако такая грубость, безусловно, помешала бы делам Фалько. Поэтому он улыбнулся и сказал:

– Нехилые у вас расценки!

Трактирщик пожал плечами и принялся протирать пивную кружку, повернувшись боком к посетителю.

– Дам двадцать крейцеров за комнату и ужин с пивом! – предложил Фалько.

– Двадцать пять, – оживился трактирщик.

– Имейте совесть, я уже заплатил конюху! – скорчил кислую мину Ройтер.

– Двадцать пять и ни пфеннигом меньше! – твёрдо повторил трактирщик.

– Хорошо, но с вас ужин и кувшин пива.

– По рукам, – корчмарь расплылся в улыбке.

«Надо было ещё торговаться, дурень!» – сказал он сам себе.

Спустя четверть часа он сидел и ел кислые щи на бараньем бульоне в прикуску с чуть зачерствевшим ржаным хлебом. Пиво было светлое, явно разбавленное водой. Отпив, он недобро покосился на толстяка, но делать было нечего. «Полталера за овёс и воду, паршивое пиво да захудалую комнатёнку, – думал он, стискивая зубы. – Обязательно добавлю к расхо-

дам, хотя от этого жида не дождёшься компенсации», – думал об одном из своих нанимателей, городском купце Гёртнере, Фалько.

В обычной ситуации Фалько Ройтер ни за что бы не отдал такие деньжищи, но он тут был по делу. По тайному и не простому делу. Поэтому скрепя сердцем он мирился с тратами, так как при удачном его исходе должен был получить много больше.

Доев, он продолжал сидеть, медленно попивая отвратное пойло. Народу становилось всё больше. Продажные девки, залётные путники, откуда-то даже нарисовались музыканты.

«Прибыльное, должно быть, предприятие. Иметь свою таверну у тракта», – думал сидящий в углу длинноволосый бородатый авантюрист Фалько Ройтер. Его чёрные глаза пристально оглядывали всех пришлых.

Допив пиво, он вышел на улицу помочиться, на крыльце никого не было. Он решил обойти трактир вокруг. «Спящий великан» находился на перекрестье дорог. Большой тракт вёл от Ольхова к Белграду. Позади трактира был лес. В этот лес вела просёлочная дорога, Фалько знал, что в полумиле отсюда находится деревенька Ольховая пуца. Помочившись в кустах, он вернулся в корчму. Минувя веселящихся и танцующих людей, он подошёл к корчмарю, тот говорил с мальчишкой носильщиком.

– Сударь! – окликнул Фалько толстяка.

Тот обернулся и вопросительно поднял брови.

– Где моя комната?

– На втором этаже, третья дверь направо, – пробурчал тот и отвернулся.

Поднявшись на второй этаж, Ройтер нашёл нужную дверь и вошёл. В комнате, если её можно было так назвать, было небольшое слюдяное окно. На полу лежал тюфяк, набитый соломой, на этом всё. Он уселся и, сняв сапоги, улёгся прямо в одежде на лежанку. Его начало клонить в сон, но это не входило в планы Фалько. Поэтому он встал и вновь спустился вниз. Увидев, что один из вышибал, тот, что стоял на входе, сидит и играет в шахматы с каким-то дедом, в простой рубахе, с белоснежными волосами, наёмник приблизился и с улыбкой спросил:

– Возьмёте в игру?

Бородач оторвал глаза от доски и фигур и взгляделся в лицо вопрошающего.

– Ты Ройтер, наёмник! – сказал вдруг он, чем немало ошарашил Фалько.

– Верно, – улыбнулся он ещё шире, стараясь не выказывать своих чувств. – Откуда знаешь?

– В «Висельнике» видел тебя не раз! – объяснил южанин.

«Вот те раз! Плохо дело, – задумался Фалько. – Зачем только я привлекаю лишнее внимание. Посидел бы спокойно в комнате, – ругал он себя. – Но делать нечего, на попятную уже не пойдёшь! Договор дороже денег».

– А я твоего лица не помню, – сказал он, протягивая руку лысому.

– Бихор! – представился тот и крепко сжал ладонь Фалько. – Обожди, обую старика – и с тобой сыграем!

Фалько принялся наблюдать за шахматным поединком. Ждал долго, противники стояли друг друга и ходили с умом, не от балды. Но в итоге лысый южанин одержал верх, и Фалько уселся на место старика.

Первую партию он выиграл без особого труда, поставив шах и мат за четыре хода. Бихор рассмеялся и в следующей партии не зевал, оказав достойное сопротивление, но по итогу потерял даму, лишив себя последней надежды на победу. Просидели они так несколько часов, чередуясь то и дело со стариком. Под конец дед вошёл в кураж и обыграл каждого по три раза кряду. Чем немало взбесил Бихора.

Тот вскочил, принялся ругаться на своём языке, который Фалько, к слову, знал неплохо. А вот дед не понял ничего, но и к лучшему. Было в речи южанина много нелицеприятных слов, которые Ройтер не раз слышал во время службы в гарнизоне.

Он вышел на улицу, умылся водой из дождевой бочки и отправился в комнату. Якобы спать.

Спустя время голоса внизу стихли. Постояльцы расходились по своим комнатам. Выждав ещё немного, Фалько выудил из своего мешка мягкие туфли, которые принял из рук предусмотрительного купца Гёртнера. Переобувшись, он подошёл к двери и протянул руку, чтобы открыть её. Но, помедлив, запустил ладонь под рубаху. Спустя мгновение он оттянул висящий на шее на кожаном шнурке бронзовый нательный крестик. Поцеловал его и спрятал обратно. Глаза Ройтера были закрыты, а губы шевелились в немой молитве. Он отворил дверь и тихо побрёл по тёмному коридору. Минуту спустя он, стараясь не шуметь, спускался по крутой лестнице на первый этаж корчмы, где недавно стояли гомон и веселье. Комната его располагалась в левом крыле второго этажа, а путь лежал в правое. Попасть туда можно было только из главной залы, поднявшись по отдельной лестнице. Об этом ему поведал накануне заказчик.

В главной зале на лавках спали работники корчмы. Слышалось лёгкое сопение с присвистом, иногда разбавляемое редким похрапыванием. Было темно, только холодный лунный свет проникал с улицы из слюдяных окон. Аккуратно ступая, он преодолел оставшиеся ступени, как вдруг последняя из них чуть прогнулась под ногой, Фалько замер, набрал в грудь воздуха и аккуратно поднял ногу. Раздался тихий скрип. На его счастье, никто из людей, коротавших ночь на широких лавках, не проснулся. И он ещё более аккуратно продолжил путь, прощупывая ногой каждую доску деревянного пола, дабы избежать повторения неприятного казуса.

Послышались странные звуки со стороны двери, как будто к ней кто-то приближался.

– Корчмарь! – послышался мужской голос с улицы. И его обладатель заколотил по двери.

Фалько судорожно, максимально быстро, как мог себе позволить, чтобы не шуметь, пробрался в дальний тёмный уголок комнаты, где была небольшая ниша, заставленная мётлами, швабрами и вёдрами. Храп и сопение стихли.

– Корчмарь, открывай, долго мы ждать будем? – послышался новый возглас, голос второго был гортанным и неприятным.

Фалько, отодвинув рукой мётлы, перешагнул через вёдра и замер. Сердце его без устали колотилось.

– Кого там принесло в такое время, – пробасил человек, до того момента спящий на лавке.

Ройтер узнал в нём лысого бородатого шахматиста.

– Чёрт его знает, – ответил второй мужской голос.

Послышались шаги и крикание. «Корчмарь», – подумал Фалько, и правда, скоро в зоне его видимости он увидел грузный силуэт владельца трактира.

Также он увидел громил, в руках у обоих виднелись деревянные дубины.

– Кто там бродит впотьмах? – с явным акцентом гундел себе под нос хозяин.

Фалько стоял и глубоко дышал в попытке усмирить начавшийся мандраж. «А быть может, оно мне на руку, – подумал он, и сознание прояснилось. Такое с ним часто случалось в момент опасности. – Медлить нельзя, если меня тут заметят, расспросят с пристрастием!» – и едва понимая, что делает, он тихо вынырнул из ниши и совершенно бесшумно, к своему собственному удивлению, юркнул к лестнице, ведущей в правое крыло корчмы. На его счастье, все трое поднявшихся мужчин были отвлечены ночными визитёрами и не заметили никакого движения за своими спинами.

Он слышал отдаляющиеся голоса и шум отпираемого засова. Но внимание его было всецело приковано к деревянным ступеням.

Благодаря туфлям он двигался без шума, ни одна ступенька не скрипнула, и он оказался на втором этаже. Глаза его постепенно адаптировались к темноте.

Тут было четыре двери, по две с каждой стороны коридора. Дальняя правая была открыта. Именно к ней направился Фалько, рассчитывая на то, что это комната корчмаря. Заглянув в неё, он увидел большую кровать, обложенную множеством подушек. Это излюб-

ленная черта южан – в Сарышине местные любили сидеть на улицах, расстелив ковры на земле и водрузив на них подушки, покуривать кальяны, попивая сладкий чай в прикуску с приторными сладостями и сухофруктами. Последние он, к слову, полюбил и сам, то и дело покупал их на рынке.

«Спальня хозяина», – понял он и юркнул внутрь. В комнате было темно, хоть глаз выколи. Ставни на окнах были закрыты. Только тусклый свет лампы, стоящей у прикроватного столика, освещал помещение. Взяв её, он осмотрелся. У закрытого окна стоял письменный стол, заваленный бумагами и перьями. Подойдя поближе, он понял, что это какие-то расчёты. «Ничего важного», – подумал он и двинулся к дальнему углу, где стоял большой, обитый железом, деревянный сундук. «Заперто», – мысленно резюмировал он после неудачной попытки отворить крышку. Он осмотрелся. На одной из стен висел красивый ковёр с причудливыми узорами.

Вдруг послышались шаги и кряхтение. Фалько Ройтер вернул лампу на место и юркнул под кровать. Лёжа на животе, принялся дожидаться корчмаря, думая, как ему теперь быть, если этот толстый тюфяк уляжется спать.

Он лежал головой к приоткрытой двери и старался ровно дышать. Когда в дверном проёме показались ноги корчмаря, он замер, прижав ладонь ко рту. Толстяк прошаркал до письменного стола. Что-то скрипнуло. Затем послышалось звяканье металла. «Ключи», – понял Фалько. И его догадка подтвердилась. Хозяин «Спящего великана» приблизился к сундуку, наклонился, тяжело дыша, и провернул ключ в замочной скважине два раза. От напряжения у Ройтера заболела голова, он стиснул зубы и продолжил наблюдение. Выудив какой-то предмет из кармана, корчмарь погрузил его в недра сундука и с грохотом захлопнул крышку. От этого Фалько вздрогнул и приложился головой о деревянный каркас кровати.

Трактирщик замер. Сердце у лежащего на полу незваного гостя забилось в панике. Толстяк медленно, с шарканьем стал приближаться к кровати. «Успею ли я добраться до конюшен, прежде чем меня измордуют прихлебатели этого жирного хряка? – вертелось в голове у Ройтера. – А как же вещи, что лежат на полу в комнатёнке? Вот же болван! Нужно было это предвидеть», – ругал он себя. А корчмарь не спеша обогнул своё ложе и замер. Фалько ждал. Сердце было готово выпрыгнуть из груди. Он вспомнил о стилете, который носил в сапоге, но сейчас его при нём не было. Он и подумать не мог, что ему может понадобиться прорываться с боем.

Но, к великому его счастью, ничего страшного не случилось. Толстяк взял лампу со стола и вернулся к сундуку. Фыркая и, кажется, ругаясь себе под нос, он снова отворил крышку и, выудив оттуда что-то, запер сундук на ключ. Фалько, не моргая, наблюдал. Губы его бесшумно выговаривали какие-то слова. Снова звякнуло железо, снова что-то скрипнуло. И толстяк удалился из комнаты с лампой в руках, задев плечом дверь. Она осталась распахнутой.

Выждав немного, Фалько услышал внизу голоса. Он закрыл глаза и выдохнул, после чего аккуратно выбрался из-под кровати и потёр ушибленный затылок. В комнате стоял мрак. Светильника не было. Он еле различал предметы интерьера. Подойдя к окну, он очень аккуратно отворил одну из ставен. Холодный свет проник в комнату и чуть озарил её. Осмотрев стену, он только сейчас обратил внимание на небольшую картину в раме, висящую на стене справа от стола. На ней изображались всадники на коротконогих степных конях. Приблизившись, он попытался снять картину, но один её край оказался прикручен к стене, подобно дверце. И она со скрипом, тем самым, который он слышал дважды, лёжа под кроватью, отворилась.

Фалько Ройтер не верил своей удаче, перед ним лежала связка из трёх ключей. Взяв их, он быстро приблизился к сундуку и предпринял попытку отпереть его, замок не поддался. Он попробовал второй ключ и на этот раз попал. Аккуратно и почти бесшумно он отпер крышку и напряг глаза, рассматривая содержимое. Кошели, мешочки и бумаги. Он приподнял кипу бумаг и увидел то, что искал. Большая кожаная папка. Аккуратно выудив её из сундука, он подошёл к письменному столу, озарённому лунным светом, и раскрыл её. «Ноябрь девяносто первого, декабрь, январь... – перебирал он листы, один за другим. – Вот, декабрь девяносто

второго», – нашёл он то, что искал. Достав из внутреннего кармана куртки несколько листов, он вложил их на место тех, которые извлёк. Как вдруг – шарк-шарк – услышал он знакомые шаги. Мягко ступая, он вернул папку на место, накрыл её кипой листов и прислушался. Шарканье стихло. Он продолжал вслушиваться. И наконец услышал голос корчмаря, тот переговаривался с кем-то, стоя на лестнице. Жадно взглянув на обилие мешочков и кошелёй, Фалько решил не медлить. «Хряк не заметит пропажи пары талеров, да и какая ему теперь разница». И, выудив увесистый мешочек, ослабил шнур. Каково же было его удивление, когда он увидел содержимое мешка, там лежала горсть золотых дукатов. «Господи помилуй!» – ахнул Фалько. И заграбастал пару увесистых монет себе. «Больше нельзя, – думал он, скрипя зубами. – Возьму самую малость, чтобы в глаза не бросалось, а то мало ли, основное дело не выгорит из-за моей жадности». То же самое он провернул и с кошелём и несколькими мешочками. Так он нащипал ни много ни мало два золотых дуката, золотой цехин, серебряную имперскую марку и десять талеров чеканки Старгородского княжества. Всё нажитое он сложил в свой кошелёк, чем произвёл немного шума и, осознав, что рискует, хотел было запереть сундук, но вдруг увидел свёрнутый лист пергамента. Он отличался от других бумаг. Не без любопытства Фалько достал его и развернул. Глаза его расширились, а тонких бледных губ коснулась лёгкая ухмылка. «Купчая! – ликовало сознание. – Лишней уж точно не будет», – не раздумывая он сунул её себе за пазуху.

Шарк-шарк. Корчмарь поднимался по лестнице. «Теперь уж точно». Ройтер тихонько закрыл крышку сундука и с тихим щелчком провернул ключ, затем ещё раз. Шарк-шарк. «Совсем близко», – новая волна страха накатила на наёмника. Он на цыпочках подошёл к картине, положил в нишу связку ключей и со скрипом запер её. Луч света от лампы коснулся дверного проёма. «Он в конце коридора». Шарк-шарк – подтвердил толстяк его мысли. Прикрыв ставни, он осмотрелся. «Всё на своих местах». Понимая, что под кровать он не успеет, Фалько проскользнул к дверному проёму и вжался в стену. И ровно в это мгновение в комнату ввалился хозяин. Он тяжело дышал.

«Не дадут поспать человеку», – ворчал он себе под нос. Переваливаясь с ноги на ногу, он двинулся к столу у кровати. Ройтер воспользовался единственным, как ему казалось, шансом и в полуприседе прокрался в коридор, и тут у него хрустнуло колено.

Тишина окутала пространство. Замолчали полуночные сверчки. Филин перестал ухать. Лягушки на болоте замолкли в унисон. Всю невероятную удачу, которая ему сопутствовала сегодня ночью, решил прервать щёлкнувший невовремя сустав. Фалько прикусил нижнюю губу от досады, да так сильно, что почувствовал солёный привкус крови во рту. И тут тишину нарушил поток воздуха, вырвавшийся изо рта трактирщика. Свет от лампы исчез. «Неужто он не услышал? – поразился Фалько, снова вжимаясь в стену. – Успех сегодняшней вылазки – чистое, сука, везение, – подумал он, но тут же оборвал себя: – Рано радоваться, хряк-то, может, и глуховат, а вот мне бы ещё до своей комнаты добраться. И убраться утром, не вызвав подозрений».

Он выжидал около минуты, наконец корчмарь дошаркал до двери и запер её. Фалько перекрестился, и мягкие его туфли вновь заскользили по деревянному полу. История повторялась. Снова сопение и редкое похрапывание. Только теперь обошлось без чулана со швабрами. И без скрипящей ступени, Фалько Ройтер помнил о ней и аккуратно её миновал. Поднявшись по лестнице и оказавшись в своей комнатёнке, он похлопал себя по кошелю и улыбнулся. Переобувшись, он принялся ждать утра, сжимая в руках стилет, в эту ночь ему было не до сна.

Глава 2

#

Едва рассвело, послышалось шевеление за дверью. Фалько поднялся с тюфяка, перекинул ремешок своего дорожного мешка через плечо поверх плаща и, выйдя в коридор, направился к лестнице. Редкие постояльцы завтракали в главной зале. Один из громил, тот, что назвался Бихором, пил пиво, сидя у очага. Второго, видно, не было. Корчмарь тоже, судя по всему, спал. Ройтер преодолел комнату до середины, направляясь к выходу.

– Уже уходишь? – послышался голос южанина.

Фалько воззрился на вопрошающего.

– Пора мне, путь не близкий, – выдавил улыбку он.

– Даже перекусить не хочешь на дорожку?

– Надо торопиться, а то не успею до Белграда вовремя, – теребя себя за бороду, отвечал Фалько.

– Вид у тебя, друг, словно бежишь от кого-то, – без нотки дружелюбия сказал шахматист.

– Время – деньги! – оскалил зубы Фалько Ройтер. – Передай хозяину спасибо за гостеприимство.

Южанин крикнул что-то и отпил пива. Фалько нарочито спокойно зашагал к двери. Однако внутри него бушевала тревога. Дойдя до конюшен, он приблизился к Соломе. Поглядел своего меринка по загривку и, угостив того яблоком, оседлал и спешно выехал со двора.

День обещал быть пасмурным. Небо было тёмным от туч.

Доехав до перекрестья дорог, он свернул в сторону Ольховой пуцы и ускорился. Было душно. «Точно будет дождь», – понимал Фалько, и эта мысль отнюдь не радовала его. Не любил он мокнуть и мёрзнуть. Ему хватило этого за северную военную кампанию, пройденную в составе солдатской корпорации. Вспомнив северные морозы, он поёжился.

По обе стороны от дороги был густой лес. В воздухе стоял приятный аромат хвои. В детстве он уходил с друзьями из дома в хвойный лес, где они строили шалаши и жгли костры. Дед его вечно ругал, беспокоясь, что юнец попадёт в беду. В лесах окрест замка Тиль водилось много живности. Встречались кабаны, и несколько раз он наткнулся на плохо переваренное дерьмо медведя, состоявшее в основном из лесных ягод.

«Как там старый Хенрик? – задумался Фалько. – Жив ли? – Он посчитал в уме. – Не виделись мы уже, почитай, восемь лет». Спустя четверть часа он проехал мимо старой мельницы, жернова которой давно пришли в негодность. Судя по всему, она была заброшена не первый год. Он предложил путь и вскоре увидел несколько деревенских изб.

Заехав в деревню, он огляделся. Та была немаленькой. Слева над крышами домов возвышалась кирха. Именно она послужила ориентиром. Фалько погнал мерина в её сторону, то и дело ловя на себе взгляды местных крестьян. Судя по всему, они не привыкли к гостям, так как все как один останавливались и провожали всадника взглядом, раззявив рты. Приблизившись к церкви, он вылез из седла и повёл коня под уздцы в сторону открытых ворот. Навстречу ему из большого каменного дома, находившегося тут же, вышел человек с рыжей козлиной бородкой.

– Отец Иеремия? – спросил Фалько.

– Вы Ройтер? – вопросом на вопрос ответил человек.

– Всё так! – кивнул наёмник.

– Святой отец ждёт вас, – загундосил тощий человек, – я Клаус, местный дьякон.

Сказав это, он засеменил к дому.

Фалько тем временем завёл коня под деревянный навес и привязал его, не став расседлывать.

Дьяк вынырнул из дверного проёма и, озираясь по сторонам, поманил гостя к себе. Фалько Ройтер, приблизившись к нему, повелительным тоном сказал:

– Накорми коня овсом и напои его!

Тот кивнул и затараторил:

– Не медлите и поднимайтесь на второй этаж, вас ожидают.

Фалько последовал совету неприятного дьяка и, поднявшись по крутой лестнице, оказался в просторной светлой комнате. Окна здесь были стеклянными, что говорило о том, что деньги у местного священника водятся. Посреди комнаты, за длинным столом, сидел священник в длинной чёрной рясе. На груди был увесистый серебряный крест. Это удивило Фалько, обычно деревенские священники носили деревянные кресты, в крайнем случае бронзовые. Перед толстяком стояло блюдо с жареным картофелем, большим шматом мяса и кислой капустой. Большой надломленный каравай белого хлеба стоял чуть поодаль. В руке у него был серебряный, чуть помятый кубок, наполненный красным вином.

– Дорогой друг! – не без труда поднялся он из-за стола. – Пожалуйста, присаживайтесь, – указал он рукой на место слева от себя – голос у него был приятным. А лицо, напротив, отталкивало. Поросычьи хитрые глазки, жиденькая бородёнка. Раскрасневшееся обрюзгшее лицо.

– Благодарю, ваше преподобие! – усаживаясь на табурет, ответил гость.

– Всё прошло успешно? – жуя, с живым интересом спросил святой отец.

– Дело сделано! – кивнул Ройтер.

– Клара! – крикнул поп. – Неси кубок и угощение для дорого гостя!

Послышалось недовольное ворчание откуда-то из-за стены. Некоторое время ничего не происходило. Слышно было лишь чавканье толстяка.

Полная женщина появилась из-за закутка с кубком и кувшином. Ройтер кивнул ей. Та с подозрением осмотрела его лохмотья и поставила перед ним серебряный кубок, почерневший от старости. После чего наполнила на треть вином и разбавила водой, почти до краёв.

Священник вскинул руку, поднимая кубок.

– За наше общее дело! – довольно произнёс тост он.

Фалько повторил жест и отпил вина. Вино, признаться, было неплохим. Но разбавленное он пил летом, в такую же погоду предпочитал его в чистом виде. А лучше нагретого, с восточными пряностями и мёдом. Но приходилось довольствоваться и этим.

– Мы можем действовать? – чуть склонившись, полушёпотом спросил Иеремия.

Фалько извлёк бумаги, изъятые накануне из кожаной папки корчмаря, и положил на стол пред священником. Купчая оставалась лежать в мешке авантюриста, который он положил под стол между ног.

– Клаус! – забасил священнослужитель.

В это же секунду козлобородый появился в дверном проёме. С дурацким, подобострастным выражением лица.

– Да, отец?

«Стоял под дверью, слушал!» – понял Фалько.

– Бегом! Слышишь? Бегом к старосте!

– Что передать?

– Чтобы действовал, болван, чего же ещё! – раскраснелся поп ещё сильнее, чем прежде.

– Бегу! – квакнул дьяк и, грохоча, умчался вниз по лестнице.

– Клара! Старая ты гусыня! Где тебя черти носят? Господи, прости и помилуй!

– Чавой? – послышался женский скрипучий голосок с кухни.

– Еду неси! – кричал Иеремия. – Для нашего благодетеля! – после этих слов он широко улыбнулся Фалько.

Зубы его, к великому удивлению Ройтера, были на месте, да к тому же были белыми и выглядели здоровыми. У самого же Фалько всё было не столь хорошо, хоть все зубы были

на месте, но имелось несколько сколов. Один на видном месте, на нижней челюсти. А зубы имели серо-жёлтый оттенок.

– Иду, иду, – с подносом в руках выходя из кухни, бубнила служанка.

На столе перед Фалько оказался тот же набор, что и перед святым отцом. Он поблагодарил хозяина и принялся за завтрак.

Еда была отменной. Мясо свежим. Фалько опустошил кубок и почувствовал приятное расслабление. Затем подлил вина хозяину, пододвинувшему к нему свой кубок. А затем себе. Не став разбавлять, он сделал несколько смачных глотков. После чего поймал недобрый взгляд священника. «Жаден, толстяк!» – улыбнулся своим мыслям Фалько и вгрызся зубами в большой шмат мяса.

– Тебе, друг, нужно залечь на дно на несколько дней! – голос хозяина по-прежнему оставался радушным.

– Да, Гёртнер упоминал, что у вас тут есть какая-то лачуга, – с набитым ртом ответил Фалько.

Священник кивнул:

– Как доешь, не медли и поезжай туда, пока всё не уляжется! Выедешь из деревни и после старой мельницы сразу направо. Там тропа, по ней прямо, не сворачивая, около мили.

Фалько слушал, тщательно пережёвывая жареную свинину. А священник продолжал:

– Я отправлю к тебе Клауса, он соберёт и привезёт тебе всё необходимое.

– Это всё хорошо, – прожевав ответил Фалько, – а когда я получу оставшуюся сумму? Купец мне дал залог, но то всего лишь четверть платы.

Поп помрачнел:

– Как только дело будет закончено, мы рассчитаемся! – голос его был уже более холодным, чем минутой ранее.

– Спешу сообщить, – отпивая вино, продолжал Ройтер, – ваш трактирщик тот ещё скряга, я полтора талера вывалил за ужин, постель да корм для коня.

– Сколько? – брови Иеремии полезли на лоб.

– Полтора талера, чеканки города Ольхов.

– Уму непостижимо! – отпил вина поп, он выглядел раздражённым.

– Не забудьте учесть эти расходы, когда будете рассчитываться за услугу, – с ухмылкой заявил Фалько и наполнил себе кубок до краёв снова.

Лицо священника побагровело. Это стоило ему немалых усилий, но он справился с приступом накатившего гнева и жадности и кивнул. После чего осушил бокал вина и наполнил новый, водой, как и гость, не разбавив. Дальше они сидели в тишине. Фалько ел не спеша, а когда закончил, вытер лицо скатертью. Сделал он это исключительно для того, чтобы позлить вредного попа. Тот снова налился краской, но и это стерпел. Раскланявшись с хозяином и осушив на прощание ещё один кубок, он спустился во двор, весело насвистывая себе под нос. Перед лошадьё стояло пустое ведро, а в деревянной таре виднелись остатки овса. Почесав мерина за ухом, он уселся в седло. Солома недовольно заржал.

– Будет тебе, будет! – похлопал Фалько скакуна по крупу. И взглянув напоследок на дом, увидел в окне жирную, красную рожу отца Иеремии. Глаз у него был остёр, и он разглядел недовольство на лице священнослужителя. Улыбнувшись, он махнул ему рукой и двинулся к своему новому временному жилищу.

Выехав из деревни, он добрался до старой мельницы. Свернул в лес и принялся продирается сквозь деревья. С коня пришлось спуститься. Найдя тропу, они побрели по ней. Земля была сырой. Вскоре лес чуть поредел, и Фалько вновь оказался в седле. Через какое-то время он добрался до старенькой хибары. Крыша была совсем плохонькой, сам дом покосился. Дерево почернело. Отворив незапертую дверь, он оказался внутри. Пыльный пол, стол, скамья, старая кровать. Несколько полок, заставленных посудой, да глиняный кувшин с сухоцветом на окне

с повисшими, пришедшими в негодность ставнями. Выругавшись, Фалько вышел на улицу, расседлал своего пегого скакуна и его привязал к деревянной балке. Солома тут же принялся щипать траву, коей тут было в достатке. «Ненасытная скотина», – с улыбкой потрепал ему гриву Ройтер. Затем, обойдя жилище, он увидел небольшую пристройку без двери. Она была завалена старым инструментом: лопатами, вилами, нашлась там и плохонькая метла и ведро. Отойдя недалеко от жилища, он наткнулся на ручей и вдоволь напился из него. Голова была тяжёлой от выпитого вина, приятная расслабленность ушла, сменившись неприятной усталостью.

Набрав полное ведро воды, он поставил его перед конём и принялся за уборку. Тут же пыль поднялась в воздух, и Фалько принялся безудержно чихать и ругаться. Ему пришлось вернуться к ручью и долго, тщательно умываться. Во избежание повторения неприятностей он вылил воду, оставшуюся в ведре, на пол хибары. И принялся выметать всю пыль за порог. Спустя время в доме стало возможно находиться, он присел за протёртый заранее стол, вытащил из мешка небольшой кусок чёрствого хлеба и треть головки сыра. Запивал он водой из фляги. Перекусив, он вышел к коню, тот дремал. Фалько Ройтер решил последовать примеру мудрого животного, но перед этим насобирал несколько охапок валежника. После чего улёгся на чуть отсыревшую кровать. Спустя пару минут верчения на ложе он засопел, а затем послышался храп.

Проснулся он вечером, в хибаре было совсем темно, а за окном лил дождь. Он тут же вскочил и на ощупь побрёл на улицу. На крыльце фыркал и потряхивал мокрой гривой мерин Солома.

– Прости, братец, – обратился человек к коню и ввёл его в дверной проём за собой.

«Где чёртов дьяк? – думал он, разводя огонь в очаге. – Моих запасов надолго не хватит».

Вскоре огонь затеплился в очаге. Благодарный конь стоял неподалёку от согревающего пламени, а Фалько Ройтер точил свой стилет, сидя на скамье.

Через некоторое время он услышал голос, а после стук в дверь. Слов он разобрать не смог, но тут же вскочил с насиженного места и отворил проржавевший, старый, тем не менее выполняющий свою прямую функцию засов. На пороге стоял рыжебородый Клаус, чуть сгорбившись. Был он в плаще с капюшоном, а сзади фыркал чудаковатого вида мул.

Ройтер отошёл в сторону, приглашая гостя войти. Тот незамедлительно прошёл в освещённый зал старой хибары.

– Ну и погода! – крикнул дьяк. Скидывая с плеча среднего размера мешок и второй мешок побольше. – Тут всё необходимое для вас, герр Ройтер.

– Спасибо, Клаус, дождь переждёшь? – вполне дружелюбно поинтересовался Фалько.

– Было бы неплохо чуть отогреться да обсохнуть! – радостно закивал козлотородый.

– Мула своего заведи под крышу.

Клаус непонимающе воззрился на говорившего.

– Чтобы не мокла скотина на улице! – повышая тон, пояснил Ройтер.

– Да не впервой ему, – хихикнул дьяк.

– Болван! – стиснул зубы Фалько и вышел на улицу сам. Взял под уздцы неказистого полуконька-полуосла и завёл его в дом. Солома фыркал, воззрившись на далёкого собрата.

Дьяк скинул плащ и уселся на скамью, поближе к очагу, и вытянул руки к огню.

А импровизированный хозяин лачуги принялся смотреть, что в мешках. Там был хороший кусок солонины, свежий хлеб, сырная головка, запечатанная крынка молока, небольшой горшочек мёда да свеча. Фалько удовлетворённо осмотрел лежавшую перед ним еду, но прежде, чем приняться за ужин, подошёл к мешку побольше и, развязав, подтвердил собственную догадку, там был овёс. Взяв пару горшков с полком, он вышел на улицу и вымыл их под струёй дождя, стекающей с края крыши. Затем наполнил до половины оба. Тот, что поменьше, поставил перед мулом, а второй перед своим меринком. Тот благодарно фыркал и, склонив

голову, принялся за вечернюю трапезу. После этого Фалько уселся есть сам. Дьяк хотел было присоединиться, но передумал, не получив приглашения. От хозяина исходила неприязнь, и он это чувствовал. Посему решил не засиживаться. Дождавшись, пока мул доест, он распроцался, взобрался на свой транспорт и исчез в чаще ночного леса.

Долгое время Фалько Ройтер не мог уснуть. Чувство тревоги одолевало его. Причём безосновательное. «Или не совсем», – подумал он, а затем поднялся с кровати. В его тёмных глазах поигрывали огоньки. Выудив из своего мешка купчую и кошель с деньгами, он взял небольшой горшок и поместил их туда, затем закрыл горшок крышкой и плотно завернул в среднего размера мешок, в котором дьяк привёз ему продукты. Дождь стих уже более часа назад. Поэтому он не стал надевать плащ. Выйдя на улицу, он вдохнул свежий прохладный воздух. Птицы начали петь, хотя было совсем темно. Это не стало удивлением для Фалько, не впервой он оказывался посреди леса ночью, и это явление перестало его удивлять. Обойдя хибару, он достал из пристройки лопату и двинулся к ручью. Пройдя вдоль него, он поднялся на возвышенность, где росла великовозрастная ольха. Некогда зелёные листья встречали осень новым рыжим окрасом. «Пожалуй, здесь», – выбрал место Фалько и принялся усердно копать яму. Когда дело было сделано, он погрузил горшок в яму и засыпал влажной землёй. Затем вернулся к ручью и нашёл там увесистый булыжник. Утоптав землю под ольхой и водрузив туда камень, он зажёл свечу и осмотрелся. Неудовлетворённо хмыкнул и принялся закидывать землю вокруг камня валежником. Когда место стало выглядеть дико, как и весь остальной лес, Фалько Ройтер потушил свечу и побрёл к своему временному жилищу. Утро начинало вступать в силу, когда он улёгся на кровать. Тревога не уходила, он вспоминал вышибалу из корчмы, того самого, который узнал его. Угольки тлели в очаге. Фалько укрылся своим дорожным плащом и вскоре захрапел.

Глава 3

Утром дождя как не бывало. Выглянуло по-летнему тёплое солнце. Его луч и разбудил Фалько. Он поднялся и вывел коня на улицу. Вместе они направились к ручью. Напившись, мерин принялся щипать траву, отмахиваясь хвостом от назойливого комарья. А Ройтер, собрав хвороста и сухих веток, уселся неподалёку и принялся жечь костёр.

Зайдя в избу, он прихватил из своего мешка небольшую поясную кожаную сумку. В ней хранились сухие травы, которые обычно собирал и сушил сам Фалько, но конкретно эти он купил на рынке в Ольхове. Как раз накануне того дня, как отправился в трактир к южанам.

В качестве тары он использовал один из горшков, найденных в доме. Вскипятив воду, Фалько накрошил в неё листья и стебли кипрея, в простонародье – иван-чая. От напитка валил густой пар. Наёмник закрыл крышку и дал ему немного настояться. Затем налил жидкость в свою деревянную походную чашку и понемногу, чтобы не обжечься, принялся отхлёбывать ароматный напиток.

Его душа пела, он наслаждался уединением с природой. Одолевала лишь тоска по ушедшему лету. Он терпеть не мог дождливую осень, а зимой и вовсе был готов не выходить из дому. Настолько она была ему не мила. Хотя мать Фалько имела северные корни, в Фалько возобладала имперская кровь отца.

Его дед и мать прибыли в большую деревню под стенами замка Тиль, покинув северные княжества, где жили доселе. Они бежали от нескончаемых междоусобиц, которые не прекращались многие годы. Матушку он помнил плохо, она умерла, когда Фалько был совсем маленьким. Дед в одиночку воспитывал его. Отца своего Фалько видел всего несколько раз.

Старый барон Грегор Мюллер фон Тиль всё свободное от войны время проводил в пирах и блуде. Человеком он был весьма любвеобильным и заделал множество бастардов, помимо трёх законных сыновей. После смерти двух старших он зачах и вскоре скончался сам. А на его место сел старший сын, Карл Мюллер фон Тиль. Он и стал причиной скоропостижного бегства бастарда Фалько Ройтера из родной деревни.

В подобных размышлениях он провёл весь день. Уснул рано, ночью спал беспокойно, то и дело пробуждаясь от мучивших его кошмаров. Успокаивал он себя молитвой, которую украдкой шептал себе под нос, сжимая распятие в кулаке.

Следующим утром его разбудил стук. Наёмник торопливо поднялся и, подойдя к двери, тотчас отпер её. К его немалому удивлению, пришедших было шестеро, и среди них ни одного знакомого лица. Фалько тотчас пожалел о своей беспечности.

– Кто вы, добрые люди? – не выдавая волнения, заговорил он.

Хлопцы были при оружии. На разбойников не похожи, больно опрятный внешний вид. Стража? Нет, ближайшая застава в десяти милях на запад. Деревенская милиция? Больно хорошие доспехи были у старшего из присутствующих.

Он-то и стоял на расстоянии вытянутой руки от двери. Был то воинского вида человек. Лысый с бурыми усами и густыми спутанными бровями. Таких Ройтер встречал в своей корпорации, обычно в чине сержанта или ротмистра.

– Мы прибыли расплатиться за работу с Фалько Ройтером, – отчеканил он по-солдатски.

– Вот как? – поднял брови наёмник. – Отчего же его преподобие не приехал сам, как мы условились?

Пришлые принялись переглядываться меж собой, Фалько увидел недопонимание в их лицах. В его горле возник неприятный комок. Он перевёл взгляд на рассёдланного Солому, привязанного под козырьком, слева от двери.

– То нам не ведомо, мы лишь передать плату, – после небольшой заминки продолжил усатый.

– А отчего вы при оружии да в таком количестве? – не унимался Фалько, разглядывая дубинки пришедших.

– Велено так, – буркнул усатый себе под нос.

– Велено кем? – чувствуя неладное, Фалько положил руку на рукоять тесака, висевшего на поясе.

– Без глупостей, Ройтер! – подал голос один из людей, молодой и наглый, с серебряной серьгой в левом ухе. Он стоял, широко расставив ноги, и поигрывал в руках дубинкой.

Ситуация Фалько совсем не нравилась, поэтому он решил действовать без промедления. Было очевидно, что незваные гости имеют не самые добрые намерения. Удивляло его только, что они не вломились в дом сразу, а зачем-то решили почесать языками.

Захлопнув дверь и быстро заперев засов, он рванулся к столу и, опрокинув его на пол, принялся двигать к входной двери. На улице послышалось шевеление и перебранка. Фалько рванулся к мешку и, перекинув его через плечо, услышал голос:

– Мы спалим хибару, если ты сейчас же не выйдешь к нам! – голос принадлежал молодому с серьгой в ухе.

Ройтер решил не тратить время попусту, посему не ответил. Судорожно соображая, он подошёл к единственному окну и увидел, что дом берут в кольцо. Окошко совсем маленькое, в него пролезть разве что ребёнку. «Остался один вариант – крыша!» Оттолкнувшись от пола, Фалько ухватился руками за край открытого люка. Подтянулся, закинул один локоть наверх, затем второй и выпрямил руки. Вскарабкавшись на чердак, он снова услышал насмешливый голос молодого:

– Меринка твоего я себе заберу!

Фалько зло оскалился и, высунув голову из отверстия в потолке, крикнул:

– Для своей матушки жениха нового приглядел? Так он к этому не годен, лучше коня поищи!

Кто-то из окруживших дом людей рассмеялся его шутке, а молодой загорланил с ноткой обиды в голосе:

– Вылазь из своей конуры, Ройтер, я тебе язык укорочу!

В эту же секунду послышались удары в дверь.

– Прости Солома, не много нам времени судьбинушка отпустила, – пробубнил Фалько себе под нос.

И после этих слов выбил ногой дыру в деревянной крыше дома, засыпанной гнилой соломой. Протиснувшись в импровизированную дверь, он увидел внизу одного из своих злопыхателей.

Фалько не раздумывая прыгнул вниз и перекатился через себя.

– Он тут! – загорланил близстоящий мужик, и фраза его резко оборвалась.

Ройтер сбил его с ног и помчался вниз, вдоль ручья. Вдыхал он носом, выдыхая через рот, стараясь не сбить дыхание. Земля просохла, посему Фалько бежал, не опасаясь поскользнуться. Сзади слышались крики. Он мельком обернулся и увидел пять преследующих его фигур.

– Стой! – орал молодой.

«Кричи, кричи, курва!» – целеустремленно рвался вперёд Фалько. Погоня длилась около двух минут. И тут, когда показалось, что он начал отрываться, нога соскользнула в небольшую канавку, наполненную водой, и беглец плашмя повалился на землю. Крики ликования послышались где-то сзади.

Быстро поднявшись, он обернулся и понял, что бежать бессмысленно, враги его настигают. Переместившись на возвышенность, преследуемый выхватил тесак с ножом и стал дожидаться своих недоброжелателей.

– Не дуркуй! – с отдышкой заговорил остановившийся на безопасном расстоянии от него усатый. – Спрячь оружие! Тебе с нами не совладать! Ты один, а нас вон сколько! – обвёл он руками своих соратников.

Фалько молчал, зло оглядывая говорившего и стараясь отдышаться.

– Тебе с нами не тягаться, Ройтер! – подоспел молодой. – Нас шестеро, а ты один. Ради чего умирать? – голос его был глумлив и весел, кажется, эта погоня его слегка раззадорила. Чего нельзя было сказать об усатом. Этот спринт оказался для его лёгких настоящим испытанием.

– Стало быть, вы меня не убить явились? – оскалил серо-жёлтые зубы Ройтер.

– Заплатить за услугу, – прошепелявил тощий мужичок с редкой бородкой, – сказали же!

– Кто вас прислал? – требовательно спросил Фалько, смотря в глаза усатому.

– Хватит разглагольствовать, Ройтер, бросай оружие! – не унимался молодой. – Мы тебя поколотим да уйдём, а коли будешь сопротивляться, я слово сдержу да язык тебе подрежу, приبلуда.

Фалько молчал, унимая возникший вдруг ниоткуда мандраж.

Молодой хотел было ещё что-то съязвить. Но его угомонила не сильная, но вразумляющая оплеуха командира.

– Взять его, парни! – рывкнул усатый.

Молодой кинулся на пролом, занося дубинку над головой. Фалько сделал шаг вперёд и ткнул его ножом, метя в шею. Тот отступил, удар прошёл мимо. Остальные принялись брать Фалько в круг. И ему ничего не оставалось, кроме как попытаться прорваться. Он кинулся на шепелявого и полоснул его тесаком по нагруднику. Отступая, шепелявый повалился на спину. И Ройтер, переступив через него, оказался за пределами замыкающегося круга врагов. Один из незваных гостей принялся помогать подняться своему товарищу, а молодой предпринял вторую попытку атаки. На этот раз Ройтер занёс тесак над головой и ударил. Молодой принял удар на блок своей обитой сталью дубинки. Но пропустил режущий удар ножа по лицу. Лезвие рассекло кожу нападавшего от уголка правой брови до нижней части левой щеки, не задев глаз. Раненый, не издав ни звука, отпрянул назад и схватился свободной рукой за лицо. По внешней стороне его кисти меж пальцев побежали ручейки крови, затекая в рукав поддоспешника.

Усатый тем временем зашёл сбоку, и Фалько пришлось отступить, защищаясь от череды выпадов. Но один удар он принял на тесак, и дубинка, соскользнув с лезвия обрушилась ему на запястье. От боли Фалько разжал пальцы, и его оружие упало под ноги нападавшему.

Остальные вновь подступали. Действовали они аккуратно, памятуя, что случилось несколько мгновений назад с их разговорчивым товарищем. Они явно не ожидали сопротивления, так как были одеты кто во что горазд. Лишь некоторые из них были в кирасах. А в шлеме без забрала и вовсе был один их усатый командир.

Фалько предпринял вторую попытку прорыва, бросившись на врага, но в этот раз удача была не на его стороне. Отшатнувшись от резкого рывка наёмника, солдат всё же смог устоять на ногах и тут же без промедлений принялся колотить Фалько дубинкой наотмашь. Тот, закрывая голову руками, отступал. Вдруг его спину пронзила резкая боль от удара тупым предметом. Он стиснул зубы и принялся размахивать коротким стилетом, вертясь в разные стороны, как загнанный на охоте волк. Кого-то ему удалось задеть, об этом можно было судить по количеству оскорблений, обрушившихся в его адрес. Затем снова удар, теперь в область шеи. Ноги подкосились, и Фалько упал, оказавшись на прохладной земле, лицом в траве, мокрой от утренней росы. Перевернувшись на спину, он приготовился защищаться.

Его обступили три мужских силуэта и без раздумий принялись потчевать ударами тяжёлых сапог и деревянных, обитых железом палок. Фалько извивался какое-то время в попытках уменьшить наносимый ему урон, пока один удар не пришёлся в область левого виска. Мир

погас на несколько мгновений. В глазах замерцало, он увидел множество белых искр. Затем черепную коробку пронзила острая боль. Он начал приходить в себя, зрение постепенно возвращалось. Фалько застонал и попытался подняться, встав на четвереньки. Но новый удар сапога впечатался ему в рёбра. Его вновь подкосило. Избиение продолжалось. Подошёл четвёртый, молодой с окровавленными руками и лицом. Он присоединился к товарищам, яростно забивая поверженного Фалько Ройтера ногами. После чего в его руке блеснуло лезвие ножа. Усатый, взяв передышку, властно сказал ему:

– Не смей убивать ублюдка, не велено нам! – вместе со словами из его глотки вырвалось свистящее дыхание.

– Я только оставлю ему на память шрам, Густав!

Усатый осмотрел лицо младшего товарища и кивнул, делая шаг назад.

– А ну-ка держите его, парни, – злорадно произнёс молодой. Его глаза горели ненавистью.

Крепкие руки перевернули Фалько, он обмяк, но был в сознании. Голова гудела, а боль была притуплённой. Он увидел лицо дуболома, на котором красовался свежий шрам, увидел нож в его руке. Сил сопротивляться не осталось. Он открыл было рот, но булькнул, и кровавый ручеек побежал по его подбородку, теряясь в бороде. Лезвие ножа рассекло лицо наёмника по диагонали. Правый глаз тут же залила тёплая кровь. От новой волны боли он скривился, сжав зубы, и заиграл желваками на скулах.

Не издавая ни звука, Ройтер смотрел на своих обидчиков из полуоткрытого левого глаза. В ушах звенело. С него небрежно стянули сапоги и мешок. Он застонал, услышал отголоски разговора, но слов разобрать не сумел. Его тело буквально горело, а разум затуманивался. К глазам подступала тьма, и вскоре она поглотила Фалько.

Глава 4

Очнулся он затемно, лёжа на спине в каком-то овраге. Ночь стояла холодная. Правый глаз ничего не видел. На нём запеклась кровь из шрама, а тело изнывало от боли. Тяжело дыша, он с трудом поднялся на четвереньки. К своему удивлению, он наткнулся ладонью на рукоять своего стилета, потерянного в пыли драки. «Какая удача!» – подумал он.

Кое-как поднявшись на ноги, Фалько Ройтер, избитый и израненный, похромал наугад в чащобу. Сапог и мешка не было. Но наёмник был настолько измождён, что это его не трогало. Он наткнулся на канаву, заполненную водой после позавчерашнего дождя, и, присев возле неё на колени, умылся. Смыв запёкшуюся кровь, он смог открыть правый глаз.

События, произошедшие накануне, стали вырисовываться неясными контурами в его сознании. Фалько ощупал порез на лице и выругался. Кровь остановилась, запёкшись, запечатала шрам.

Переведя дыхание и со стоном поднявшись на ноги, Фалько продолжил путь, то и дело останавливаясь, чтобы передохнуть. Брёл он долго, не до конца осознавая, что делает. Мысль о том, что он может заблудиться, не возникала в его затуманенной голове.

На его счастье, спустя некоторое время он наткнулся на большой тракт. И прикинув в голове, в какую сторону Ольхов, он побрёл не спеша вперёд. Дорога была пустынной, кругом ни души, да и откуда здесь взяться людям в столь поздний час? Где-то со стороны леса доносилось уханье совы.

Дойдя до старого моста, перекинутого через речку Быстрянку, Ройтер понял, что не ошибся с направлением. Эти места он знал и был здесь не впервой. Голова раскалывалась от боли. Сделав очередной привал, он ощупал рёбра. «Кажется, целы», – подвёл он мысленно итог. Помимо головы болела спина, в частности почки. Руки посинели от гематом, на них не осталось живого места. Кисть, куда пришёлся удар усатого, саднила невероятно. Но больше всего докучал шрам на лице. Он всё время напоминал о себе и занимал все мысли Фалько. Обессиленный, он понял, что дальше идти не сможет, поэтому спустился под мост и принялся жадно пить из реки. Утолив жажду, он с болью помочился, отойдя чуть поодаль. «Благо без крови!» Улёгшись на землю, он попытался уснуть, несмотря на страшную боль, и вскоре ему это удалось. Но пробуждение было скорым. Земля была холодной, а тело саднило. Не лучшие условия для комфортного сна.

Напившись снова, он заставил себя подняться на ноги и выйти на тракт. Путь продолжать у него не было сил, поэтому он уселся на обочину и принялся ждать. Вскоре за горизонтом показался край солнца. Фалько встретил рассвет, облокотившись спиной о каменные перила моста. Спустя добрых полтора часа, после рассвета, мимо проехала телега, но путь её хозяина лежал в противоположенную сторону. Правящий телегой старик посмотрел на потрёпанного человека и остановил коня.

– Кто это тебя так отделал? – глухо прокряхтел он. Кожа его была тёмной от вечного нахождения под солнцем, лицо испещрено морщинами.

– Разбойники, – отвечал Ройтер, слова ему давались с трудом.

– Вот те на! Разбойники, да на тракте нашем? – поразился старик и закачал седой головой.

– Не на тракте, в лесу, – пояснил избитый.

– А чего ж ты в лесу делал? – нахмурился старик.

Фалько посмотрел на него исподлюбья и бросил в ответ:

– Езжай, старче, не терзай расспросами.

Старик, чуть помедлив, порылся в телеге, выудил откуда-то краюху ржаного хлеба и бросил её Ройтеру.

– Храни тебя Бог! – поблагодарил Фалько.

Старик погнал своего меринка дальше. «Эх, Солома», – вспомнил о своём скакуне Ройтер и аккуратно, кусочек за кусочком, принялся поедать мягкий ещё хлеб.

Перекус не придал сил физических, но сила духа постепенно возвращалась к Фалько. Поэтому он поднялся и двинулся дальше, чуть прихрамывая. «Не зря спрятал деньги и купчую», – думал он. Восстанавливая несколько последних дней в своей памяти, он пришёл к единственному возможному сценарию, который предопределил его избиение. «Это не люди корчмаря, он бы прислал южан, и простым избиением дело бы не обошлось. Его бы пытали в попытках узнать, где купчая и украденные деньги. А эти знали про дело, говорили, что пришли расплатиться», – злость пробрала его до глубины души, заставив выругаться.

– Чего ругаешься, мил человек? – услышал он жизнерадостный голос за спиной.

Обернувшись, он увидел монаха в старенькой рясе с капюшоном, который полностью скрывал его лицо. Монах ахнул, увидев страшный шрам на лице изувеченного путника.

– Кто это сотворил с тобой? – спросил он, приближаясь и роясь в своей кожаной сумке.

– Нарвался на добрых людей, – видя благожелательный вид собеседника, попытался выдавить улыбку Фалько.

Монах, качая головой, не терпящим отлагательства голосом проговорил:

– Присядь, мил человек, я обработаю раны.

Фалько изумился, но последовал совету неожиданного благодетеля. Выудив из сумки пузырёк с мутной травянистой жидкостью, монах принялся смазывать шрам.

Фалько дёрнулся было, но, стиснув зубы, дотерпел до конца процедуры.

– Теперь выпей это, – протянул он второй флакончик.

– Что это? – спросил Ройтер, разглядывая прозрачный пузырёк с коричневатой жидкостью.

– Пей, пей, это ускорит выздоровление.

Фалько откупорил пузырёк и поднёс к носу. Он почувствовал аромат отвара из ромашки с мёдом на спирту и чего-то ещё.

Осушив флакончик, он чуть закатил глаза, задумавшись. А потом произнёс:

– Спиртовой настой ромашки и коры белой ивы с мёдом.

Монах замер на мгновение, а потом с чуть удивлённой интонацией спросил:

– Я было принял тебя за бродягу, но теперь вижу, человек ты не из простых. Назови-тесь же!

– Я Фалько Ройтер из Тиля.

– Эко тебя занесло, господин Ройтер.

Фалько улыбнулся и спросил:

– А к тебе как обращаться, добрый самаритянин?

– Неужто вы грамотны и Писание читали? – судя по голосу, это произвело ещё большее впечатление на монаха, чем угадывание ингредиентов лекарства. – Али проповеди святых отцов посещаете?

– И то и другое, – вновь улыбнулся Фалько чуть вымученно, – но всё же как твоё имя?

– Я брат Агафон из Белградского монастыря святых Петра и Павла.

– Рад знакомству, брат Агафон, Бог послал мне тебя.

– Всё по воле его, – воззрился на небеса монах.

– Спасибо за проявленную доброту!

– Будет вам, Фалько, – замахал рукой он.

Посидев немного, боль утихла, и они продолжили путь вместе.

– Куда путь держишь, брат Агафон? – голос Фалько по-прежнему был слаб.

– В Старгородское аббатство.

– Отчего же пешком? Путь-то не близкий.

– Пока Бог позволяет самостоятельно передвигаться, с удовольствием пользуюсь этим благом, – улыбнулся монах.

Лица он по-прежнему не открывал, Фалько сумел лишь разглядеть, что подбородок у него гладко выбрит.

– Так и коней нам Бог послал! – отвечал Фалько.

– Верно, верно! Честно сказать, нет особой причины. Признаться честно, чувствуя боль и усталость в ногах, я ощущаю себя живым, – признался монах.

– Верно говоришь, боль в ногах лечится периодическими привалами, а вот гузно после долгой конной дороги будет долго о себе напоминать, – рассмеялся Ройтер и тут же пожалел об этом, схватившись за бок.

Монах хохотнул и спросил с явным сочувствием в голосе:

– Рёбра-то целы?

– Целы, – поморщился Фалько.

Какое-то время шли в тишине. В полях трудились крестьяне из окрестных деревень. День был солнечный. «Бабье лето», – вспомнил Фалько фразу, которой его дед Хенрик называл тёплые сентябрьские деньки. Солнце пригревало путников, отчего избитому Фалько стало легче.

– Фалько, позволь узнать, где ты обучился грамоте? – нарушил вдруг тишину брат Агафон.

– Довелось и мне полтора года провести в стенах монастыря.

– Выходит, ты расстрига?

– Нет, монахом я так и не стал, был послушником.

– А что за обитель?

– Под Колбжегом есть монастырь, на границе герцогства Заренхоф.

– Имени святого мученика Аврелиана? – предположил монах.

Фалько кивнул, подтвердив догадку собеседника.

– Отчего же ты покинул монастырь?

– Понял, что жизнь монаха не для меня, – честно со вздохом ответил Фалько. Он шёл медленно, то и дело корча гримасу боли.

– Не каждому по силам это время. Но расскажи, зачем же ты вообще пошёл в монастырь. Был в поисках смысла?

Фалько решил быть откровенным со своим благодетелем, посему решил не лукавить.

– Бежал я из родных земель, и нужно мне было укрыться, а лучшего для этого места я не нашёл.

– Могу я спросить, почему ты бежал с родины, от руки закона?

Фалько развеселила наивность, с которой брат Агафон спросил это.

– О нет, всё куда веселее, – оскалился он в недоброй улыбке.

Монах внимательно слушал.

– Так уж вышло, что мой отец был местным бароном, а мать простолюдинкой. И после его смерти главой рода стал его старший сын, который решил избавиться от бастарда своего батюшки раз и навсегда.

– Вот как, – поразился монах, – тогда я, кажется, понимаю выбор места для укрытия. Монастыри не выдают никого из своей братии.

Фалько кивнул.

Какое-то время шли в тишине. А затем остановились на привал возле ручья. Вдоволь напившись, Ройтер принял кусок твёрдого сыра и краюху хлеба из рук монаха. Вновь поблагодарил его и принялся за еду. После он лёг на траву в тени дерева и уснул. Монах и сам прилёг неподалёку. Проснулся он в полдень. Солнце поднялось высоко в небе, и его лучи достигли лица Фалько. Проснувшись, он обтёрся водой из ручья, чтобы хоть на время отвлечься от боли. Монах вскоре пробудился, и они продолжили свой путь. То и дело навстречу им шли люди.

Встретился даже всадник с конной свитой. Но ни одной телеги в сторону Ольхова. Это злило Ройтера, он надеялся, что навяжется попутчиком, а не будет сбивать босые ноги о камни. Радовал его только тот факт, что ему встретился столь милостивый человек. Который и накормил его, и напоил лекарством, и скрасил тишину разговором.

Дойдя до развилки, они распрошались. Монаху нужно было свернуть с тракта, а у Фалько путь лежал прямо. Он клялся и божился отплатить благодетелю за его доброту, а монах лишь улыбался. Добрый человек дал ещё один пузырьёк со снадобьем и второй с мутной жидкостью внутри.

– А это что?

– Растирка на змеином яде. Ни в коем случае не принимай внутрь, она смертельна! А вот от боли спасёт. Растирайся ей утром и вечером. Но ни в коем случае не наноси на открытые раны.

Пытался всучить ещё и медный крейцер, но и без того благодарный Фалько отказался.

Теперь он брёл один. Впереди виднелся хуторок, стоящий на холме по правую сторону от тракта. Фалько, подойдя к воротам, окликнул хозяина.

Спустя минуту появился малец, взглянул на пришлого и умчался прочь. Ройтер уселся на землю и стал ждать. Крепкий мужчина лет сорока отворил ворота и спросил, чего нужно незваному гостю.

– Мне бы перекусить, хозяин!

– А деньги у тебя есть? – осматривая босые ноги, спросил человек.

– Я могу дров наколоть или ещё чего.

– Дуй отсюда, приبلуда, – зло сплюнул владелец хутора.

Ройтеру не осталось ничего, кроме как продолжить путь.

Живот поднывал от голода. Кости ломило. Поэтому Фалько Ройтер свернул в лес. На свою удачу, он отыскал несколько диких ягод, а позже наткнулся на три красивые красно-белые сыроежки. За неимением лучшего он отужинал. После чего улёгся под ствол раскидистого дуба и, выпив настой, который всучил ему брат Агафон, улёгся спать, предварительно растерев руки и бока змеиным ядом.

Проснулся он от холода. Огниво было в мешке, а где мешок – в лесной хибаре. Мысли вернулись к отцу Иеремии, который явно был замешан в нынешнем положении Фалько. Он стиснул зубы от злости. Лицо искривилось, и его шрам пронзила острая боль. Ройтер зажмурился. «Надо переговорить с купчишкой Гёртнером, добрую же работёнку он мне присоветовал, курвин сын».

Под луной Фалько продолжил путь, чтобы не околеть в лесу. По пути ему встретился конный отряд из дюжины человек. Они промчались, не обратив внимания на жалкого вида, избитого человека со шрамом, рассекающим лицо по диагонали. Когда небо начало светлеть, он услышал сзади лёгкий перестук копыт. Обернувшись, он увидел телегу и крестьянина, сидящего на ней.

– Добрый человек! – окрикнул его Фалько.

– Пр-р, – остановил телегу крестьянин и воззрился на путника настороженно и одновременно вопросительно.

– Не в Ольхов ты путь держишь?

– В Ольхов! – кивнул крестьянин. – На базар.

– Свези мне до горда, добрый человек.

– За так не повезу!

– Денег у меня нет, могу расплатиться, как доедем до города.

– Знаю я ваше племя, ищи дурака, – и погнал коня вперёд.

Фалько, изнеможённый и уставший, предпринял новую попытку:

– Куртку тебе отдам, добрый человек.

Крестьянин остановился. Осмотрел предложенную в оплату вещь и кинул небрежно:

– Залазь, бедолага, довезу!

Фалько расположился головой на мешке с зерном и дремал. Крестьянин в новой куртке насвистывал какую-то мелодию. Так прошёл день. Когда он проснулся, небо уже поалело, солнце наполовину скрылось за горизонтом, он проспал весь день. Напившись из фляги, любезно предложенной крестьянином, он принялся растирать ядом болевшее запястье.

Глава 5

В город прибыли в потёмках. Едва они въехали в западные ворота, стража затворила их. Один из блюстителей порядка, совсем ещё молодой, с рябым, в рытвинах лицом, внимательно осмотрел Ройтера. И в глазах его блеснул не добрый огонёк, что Фалько совершенно не понравилось.

Тело его болело, но голова прошла, и чувствовал он себя лучше, во многом из-за снадобий монаха.

Распрощавшись с крестьянином, он спустился с телеги и побрёл в сторону доков. Ольхов – был единственным вольным городом на территории всей Священной Осковитской империи. Располагался он на южной её части, в Княжестве Старгородском. Окружён был старыми, но крепкими стенами, имел большой порт, так как стоял на реке Кипучей. Река та брала начало от самого Пригорья и втекала в большое южное море, за которым располагались земли Алсарайского султаната, скованного тридцатилетней войной с соседствующей Иуликонской империей.

Ещё отец нынешнего императора оной начал войну на три фронта, результатом этой войны стал захват части земель королевства Энгрии, двух южных городов Осковитской империи и большого куска земли султаната. После смерти отца сын продолжил его дело и укрепился, уступив лишь один город Королевству Энгрии.

Всё это Фалько узнал из книг, которые взахлёб читал в любую свободную минуту. Как только у него появлялись деньги, он спешил в книжную лавку, где искал книги по истории, тактике и травничеству.

Было прохладно идти совершенно босому по холодной, выложенной булыжником мостовой. Отсутствие куртки тоже заставляло ёжиться при малейшем дуновении ветра. На пути встречались редкие прохожие. Кто-то косился на него. Но Фалько не обращал на это никакого внимания. Он брёл по, казалось, бесконечным проулкам, пока не оказался в портовом районе. Он встретил его запахом тухлой рыбы, тины и птичьего помёта. В подгнивших деревянных коробках шуршали крысы. Обычное дело для не самого приятного места в городе. Где-то за углом лаяли собаки. Фалько брёл и брёл. Небо было ясным, луна освещала его путь. Как вдруг за спиной он услышал топоток нескольких пар ног. Он обернулся. Из-за угла появилось полдюжины людей. «Бежать, кажется, нет причины», – подумал Фалько, и тут в голове мелькнуло подозрение, один силуэт ему показался знакомым. В мозгу возник образ лысого бородастого южанина, с которым он играл в шахматы в трактире «Спящий великан», а также выражение лица рябого стражника. В котором читалось... Узнавание.

Фалько сделал рывок. Тело отозвалось болью. Но выхода не было. Стиснув зубы, он юркнул в ближайший проулок. Послышались крики. Фалько двигался недостаточно быстро, и вскоре в проёме появились люди. «Южане», – все опаски Фалько подтвердились. Он побежал как мог, стиснув зубы, стараясь отвлечься от боли. Но преследователи его настигали.

– Стой, вор! – прогреготал голос Бихора.

Сомнений не оставалось. Фалько Ройтер из Тилия, вопреки здравому смыслу, развернулся, выхватывая стилет.

Преследовавшие его головорезы перешли на шаг. На лицах читалось недоумение.

– Решил драться? – с явной насмешкой спросил бородастый.

Фалько, стиснув зубы, принял боевую стойку.

– Кто тебя так отделал, ублюдок? Твой наниматель, а? – горланил бородач, его подельники с насмешкой смотрели на одинокого изувеченного человека, на котором даже сапог не было. Они медленно приближались. В руках у большинства были тесаки, только у пары человек были палаши.

Фалько, воззрившись на небо на долю секунды, принял решение, «последнее в своей жизни». Он метнулся к ближайшему врагу. Тот, не ожидавший такого поворота событий, не успел среагировать, и лезвие ножа обезумевшего незаконнорождённого сына барона вошло ему в живот. Он отпрянул, не осознавая, что произошло. А позже, схватившись за живот, посмотрел на свою ладонь. Она была красной от крови. Молодой южанин выпустил тесак из рук и, забыв про всех и вся, стал пытаться зажать кровоточащую рану. Фалько к этому моменту кинулся в обманном манёвре на второго. Увернувшись от размашистого удара тесака, он побежал вдоль набережной. Затем резко развернулся, ткнул ближайшего к себе врага в область груди. Ему повезло, что нож не угодил в кость. Лезвие вошло не глубоко, но южанин вскрикнул и зло принялся размахивать тесаком. Фалько ретировался в ближайший закоулок, на его счастье, он был узким. Но с ножом против тесака каши не сварить. Поэтому он откинул план о дальнейшем сопротивлении и предпринял новую попытку бегства. За ним бежало пятеро разъярённых мужчин. Они кричали и ругались столь громко, что заставляли местных жителей, открывая ставни, выглядывать из окон. Боль возвращалась к Фалько. Ко всему прочему, убегая, он наткнулся голой ступней на что-то острое. Этот факт не добавлял ему ловкости. Проулок закончился. Он оказался на небольшой улочке и повернул направо. Дыхание сбилось, и он сделал последний рывок в попытке найти спасение.

– Ты не скроешься, свинья! – гаркнул за спиной бородатый.

Из-за угла навстречу Фалько вынырнул человек. Его, по видимости, привлекла необычная для ночи в Ольхове суматоха. И увидев пятёрку южан, преследующую оборванного типа, он что-то крикнул. И из-за угла появилось семь человек при оружии. «Засада», – подумал Фалько, но продолжил бежать в их сторону, надеясь прорваться, и тут по его ноге, которая в данный момент была единственной опорой, прилетел удар. Он, не удержавшись на ногах, осёкся и повалился на землю кубарем. Единственное, что он успел, отвести в сторону руку с зажатым в ней ножом.

– Эй, – раздался незнакомый голос, южного акцента в нём не было. Кричал не преследователь.

Фалько подскочил и бросился на бородатого. Сзади слышались шаги. «Вот и конец пришёл, курва!» – Фалько Ройтер, чувствуя холодное дыхание смерти, осознавая безвыходность своего положения, вошёл в кураж. Бородатый наносил размашистые, но быстрые удары. Фалько уворачивался, краем глаза замечая заходящий сбоку силуэт второго. Он повторил свой обманный финт, бросившись на второго врага, но теперь не кинулся бежать, а резко сменил направление и вогнал нож по рукоять в шею Бихора. Уши заложило. Всё стало как во сне. Время замедлилось. Он слышал удары собственного сердца и топот ног за спиной. Южане оторопело глядели на то, как их главарь, зажав ладонью кровоточащую рану, падает на колени, а затем, обмякнув, втыкается лицом в мостовую. Они не предпринимали никаких действий. Шаги уже совсем близко. Но восемь крепких человек пробежали мимо, не задев Фалько, и набросились на южан. Двое из оставшихся живых бросились прочь. А двоих оставшихся изрубили на месте. Фалько с мутной головой, не понимая, что происходит, осел на мостовую. Четверо неожиданных спасителей пустились в погоню и скрылись в проулке.

Один из людей, короткостриженный, со шкиперской бородкой, обратился к товарищам:

– Вилли, Ясень, хватайте его под руки, – указал он пальцем на обмякшего на мостовой Ройтера.

Двое коренастых мужчин одной комплекции незамедлительно последовали приказу.

– Куда вы меня тащите? – тихо прохрипел Фалько.

– Что ты не поделил с варачанцами? – вопросом на вопрос ответил шкиперская борода.

– Лишил их заработка, – не видя смысла отпираться, ответил он.

– Эво как! – улыбнулся шкиперская борода. – Ну расскажешь нам, братец, поподробнее за кружкой пива.

– Кто вы? – не понимал, что происходит, Ройтер.

– Мы патриоты вольного города Ольхов.

– Я слышал про вас... – прохрипел Фалько.

Слышал он в основном про погромы лавок южан, приправленные избиениями или убийствами их хозяев.

– Ну ладно, парни, двигаем в берлогу, остальные нас догонят, – сказал их главный.

И они торопливо побрели прочь с улицы, где лежало три бездыханных тела.

Патриоты были выходцами из разных городских гильдий и коммун, но их объединяла общая цель. Они вели борьбу против всех пришлых, главной же их нелюбовью были южане-варачанцы. Они всё больше и больше подминали под себя дела в городе, что очень не нравилось патриотам. Полгода назад, когда Фалько впервые прибыл в Ольхов, ходили слухи о погромах в квартале южан. Но лично ему не приходилось сталкиваться с этими людьми лично. «Свезло мне, курва, что именно на этих ребят я напоролся», – подумал он.

Сложись ситуация по-иному, Фалько Ройтер из Тиля принял бы участь бородатого южанина.

Глава 6

Брели они долго и молча. Вскоре Фалько увидел деревянную вывеску на одном из домов. Разглядеть, что на ней написано, он не смог в темноте. Именно в это здание, как выяснилось, лежал их путь. Шкиперская борода постучал в дверь. За ней послышалось шевеление. Маленькое оконце, находящееся прямо в двери, отворилось. В нём возникло морщинистое лицо седого мужчины. Он осмотрел присутствующих и спросил, обращаясь к шкиперской бороде:

– Что за оборванец с вами? – голос его был глухим, с лёгкой хрипотцой.

– Открывай дверь, старый, – гаркнул в ответ человек, которого называли Ясенем, – позже расскажем!

Старик заворчал и не без труда отворил тяжёлый засов. Они зашли внутрь и оказались в просторном помещении. Зал был освещён лишь одной свечой, стоящей на длинном столе, а также тлели красные угли в камине. Фалько усадили на скамью и принесли ему пива. Он приложился к кружке и осушил её наполовину, жадно глотая тёмный солодовый напиток с чуть сладковатым вкусом.

– Спасибо, – поблагодарил Фалько, набирая в грудь воздух.

– Будет тебе! – махнул рукой шкиперская борода. – Ты лучше расскажи поподробнее, чем ты насолил южанам.

Фалько замялся было в попытке придумать что-то похожее на правду, но безуспешно.

– Долгая история, – пробубнил он.

– А мы не торопимся, – чуть нахмурился Ясень, присевший справа от него.

– Дело лихое... – медлил Ройтер.

– А мы и не стража, – улыбнулся Вилли, присевший напротив Фалько, рядом со шкиперской бородой.

Ройтер снова отпил из кружки. Тем временем два мужика с одинаковыми прямыми носами и ярко-голубыми глазами – «явно братья» – подсели за стол с остальными. У старшего была окладистая русая борода и весьма суровый вид. Тот, что помладше, гладко бритый, стриженный под горшок, улыбался своим мыслям. Ещё несколько ничем не примечательных людей разбойничьего вида присоединились к ним.

– Кто ты и откуда? – зашёл с другой стороны шкиперская борода.

И Фалько сдался:

– Моё имя Ройтер, Фалько Ройтер, – смотря в светло-карие глаза шкиперской бороды отвечал он, – родом из Тиля.

– Давно в городе?

– Полгода как.

– Ройтер, Ройтер... – задумчиво произнёс вопрошавший. – Мне знакома твоя фамилия, но откуда?

– Я наёмник, – решил пояснять Фалько, – возможно, вы видели меня в одном из кабаков портового района.

– А не ты ли обул старика Герхарда Гуммеля в кости в том месяце? – спросил молчавший до этого младший из братьев.

– Я, – болезненно, но вполне искренне улыбнулся Фалько.

– Этого шулера? – изумился Ясень, смотря на младшего.

– Ага, все трещали о том неделю, не меньше! – с лёгким восхищением в голосе отвечал стриженный под горшок человек.

– Слава о твоих подвигах гуляет по городу, Фалько Ройтер! – смеясь, продолжил допрос шкиперская борода. – Но всё же ответь, – голос его посерьёзnel, – чем ты так не угодил южанам, что они с оружием в ночи преследовали тебя.

Фалько снова отпил из кружки и решился. Всё равно хуже смерти ничего не будет, а от неё он спасся, кстати, не без помощи собеседников.

– Знакомец мой, купец местный, предложил одно плёвое, с его слов, дельце...

И он поведал историю о заказе, который выполнил накануне, не упомянул лишь купчую и украденные деньги. Все слушали молча, рассказ их заинтриговал. Когда повествование начало стремительно двигаться к концу, в берлогу, как её называли люди, представившиеся патриотами, пришло пополнение. Состояло оно из тех самых молодцов, которые отправились в погоню за струсившими южанами. Они выслушали ворчание старика и уселись за общий стол, не прерывая рассказчика.

– Лихой ты человек, Фалько Ройтер из Тиля, – дослушав, заговорил шкиперская борода.

На несколько долгих секунд повисла пауза. Фалько заёрзал на стуле, тем самым вызвав ноющую боль в спине, о которой успел забыть на время. Все взгляды в тёмной комнате были направлены на него. Он не уловил осуждения или одобрения в ровном голосе говорившего. Посему просто сидел и молчал, не зная, как реагировать. Неожиданно шкиперская борода поднялся с места:

– Но враг наших врагов наш друг! – сказал он, оголив зубы в улыбке, и протянул руку сидящему перед собой человеку. – И неосознанно ли, ради наживы ли, но ты попутал планы ненавистных нам южан. Я Ленц Боймер, глава патриотов вольного города Ольхов.

Фалько поднялся на ноги и пожал большую мозолистую лапу главаря.

– Старина Фабиан, неси выпить! – крикнул молодой. – Ребята, сыщите сапоги для нашего гостя.

Началась суэта. Разожгли камин. Загорелись факелы на стенах. Стол заставили кувшинами с пенным и едой, простой, но вкусной. Тут была засоленная рыба, кислая капуста, мягкий сыр, овощи свежие и маринованные, хлеб ржаной и пшеничный, жаренные с луком грибы, свежая зелень и кровяная колбаса.

Фалько Ройтер сидел на своём месте, с чуть очумелым видом. Мало того, что он был весь в рванье и от него смердело, так, ко всему прочему, он был весь в синяках и ссадинах. К нему подошли братья, молодой заговорил:

– Лихо ты прихлопнул здоровяка южанина, – похлопал он по плечу гостя и протянул ему старенькие, но добротные сапоги. – Держи!

– Я, право, не знаю, что и сказать, – растерянно смотрел на дарителя Ройтер.

– А ты ничего не говори, – улыбнулся молодой и всучил обувь в руки ошарашенному Ройтеру.

– Я оплачу...

– Не за что, это подарок! Ребята сняли с одного из мертвецов, – засмеялся он.

Фалько осмотрел сапоги. И надел их.

– В самый раз! – поднялся он и пожал руку молодому. – Как тебя величать?

– Мы братья Зоммеры, – встрял в разговор бородатый. – Я Ганс, а это Уве.

Ройтер пожал руки обоим. От столь радушного приёма он забыл о боли.

Патриоты пели песни, Фалько знал некоторые из них и не без удовольствия подпевал. Он и сам любил в свободные минуты посидеть над стихосложением. Впрочем, получалось у него это так себе. Фалько мог давать здравую оценку своему творчеству, поэтому он никогда никого в это не посвящал.

Они пировали до рассвета. Фалько напился до такой степени, что память его наутро, после пробуждения от недолгого сна, дала сбой. Он встал посреди залы, по-прежнему наполненной патриотами, и во всеуслышанье поклялся, что капли спиртного в рот больше не возьмёт.

Все смеялись над ним, но он твёрдо решил сдержать слово, как минимум чтобы не прослыть треплом и пустословом. Уже вечером следующего дня он распрощался с патриотами. Поблагодарив ещё раз всех собравшихся, он начал раскланиваться.

– Останься! Ещё погуляем! – гаркнул Ясень и громко икнул.

– Простите, друзья, но тело моё страдает от причинённых ему увечий.

– И от похмелья, – смеясь, вставил свои пять пфеннигов Уве Зоммер.

– Вот-вот! – смазанно ответил Ройтер. – С вами приятно, но пора и честь знать! – поклонился он.

Ленц Боймер, на прощание пожимая ему руку, сказал:

– Рад буду видеть тебя в наших рядах.

Несколько патриотов одобрительно загалдели.

– Мне весьма льстит ваше приглашение, обещаю всё обдумать и не затягивать с ответом, – пьяно прогундосил он и, шатаясь, вывалился из дверного проёма, с трудом устояв на ногах.

Обернувшись, он прочёл название на вывеске – «Берлога». В новых-старых сапогах и в кожаной куртке, подаренной Вилли, коренастым мужиком, что тащил его на себе вместе с Ясенем, он, шатаясь и потирая бок, побрёл в сторону своей квартиры в Доках.

Глава 7

Ночь Фалько встретил в своей небольшой квартирке. В одном из деревянных барачков, стоящих рядками меж многочисленных портовых складов. Убранство в единственной комнате было скромным. Старенький топчан в роли матраса, на котором выступали набитые соломой мешки. Единственная полка на стене с аккуратно расставленными на ней книгами. Старый стол, кривенький трёхногий табурет. Под невысоким потолком, в полтора человеческих роста высотой, на балке висели сухие пучки всевозможных трав. Стол был заставлен множеством глиняных горшочков разных форм и размеров. На подоконнике, у окна, закрытого ставнями, стояла посуда. Тарелка со сколом, два небольших стакана, однозубчатая, кустарно выполненная, железная вилка, деревянная ложка и небольшой кухонный нож. В противоположенном от кровати углу стоял большой деревянный ящик. На стене над кроватью висел старый, потемневший от времени деревянный крест. Фалько перекрестился и приложился губами к своему нательному крестику.

Он убивал, будучи на войне. Но то, что случилось накануне, в слегка чумной ещё после попойки голове вызвало у него некоторую апатию. Нет, то не была жалость, стыд или ещё что-то. «Я, в конце концов, защищался», – понимал Фалько, но что-то противоестественное в этом было. Вспомнились годы службы. Фалько залил в глиняный чайник заранее подготовленный кипяток. Тут же по комнате разнёсся грибной и одновременно древесный аромат. Чагу он попробовал впервые сидя у костра в лагере под стенами города Унлинги. Тогда была поздняя осень, со стороны моря дул холодный северный ветер. Он с сослуживцами сидел у костра и согревался отваром из берёзового гриба.

– Чага лечит от всех болезней, Ройтер! – сказал старый сержант с красным от мороза лицом и синим от пьянства носом.

– Так уж и от всех? – выдавил улыбку Фалько

– А как же, у меня в деревне знахарка с молодых лет каждый день пила отвар чаги да дожила до ста тридцати лет, – заворчал сержант, – чего ты смеёшься, Ройтер, чёрт тебя подери!

– Брешешь, старый! – скалил зубы Фалько.

– Да вот те крест, – перекрестился старый солдат, брызжа слюной.

– Ну коли так, верю, – посмеиваясь, примирительно ответил Фалько.

Старик, удовлетворённый его ответом, подул на содержимое чашки. И громко отхлебнул.

В осаде до первого штурма они просидели три месяца. И всю зиму Фалько пил чай из берёзового гриба. Его было не проблемой сыскать зимой, в отличие от лечебных трав, которые нужно сушить с тёплых времён года.

Он вспомнил заплаканное лицо женщины, которую силой взял после удачного штурма, и поморщился. Что-то неприятное кольнуло его в область сердца.

Он взобрался на стену к тому моменту, когда её уже заняли войска императора. Штурм ворот ещё продолжался. Посему он с большим пешим отрядом отправился по улицам города к восточным воротам. На улицах их ждало ожесточённое сопротивление северян. Их отряд из десяти дюжин человек прорывался с боем и большими потерями. Но ценой жизни многих они выполнили возложенную на них задачу. Главные силы войска вошли в город. И начались дни безумия. Такое случается неминуемо после долгих осад на морозе. Озлобленные солдаты жаждут отплатить виновникам их неудобств. Командиры не в силах удержать наёмных солдат от произвола, грабежей и насилия. А многие и сами не прочь набить карманы чужим добром и угоститься теплом женщин поверженного врага. Так и молодой и зелёный ещё Фалько Ройтер поддался искушению, которое им даровала победа. Он с боевыми товарищами вломился в один из домов, к их счастью и несчастью семьи, там проживающей. Хозяин дома не оказывал

сопротивления, лишь забился в дальний угол, пока его жену и дочерей, несмотря на их стенания, силой принудили к низменным забавам.

В тот момент Фалько забыл о совести и о Боге, он просто предавался всеобщему безумию. Был частью толпы. Кровавый пир длился несколько дней. Солдаты пьянствовали, грабили и бесчинствовали. Затем их призвали к порядку, и многие не подчинились. Нескольких, самых буйных, пришлось повесить. После этого беспорядки утихли. Солдат, за исключением гарнизона, вывели из города. Тогда Фалько, протрезвевший от хмеля и безумия, первый раз зарёкся не пить. Совесть его мучала страшно. Он вспоминал, что успел натворить за несколько дней, и молил Бога о прощении. Даже нажитые деньги, к слову немалые, не поднимали его настроения. До весны они сидели в лагере, затем был подписан мир, и его перевели дослуживать контракт на западную границу империи, под город Сарышин. Там служба была казарменная и безмятежная, но осада города Унлинги оставила шрам на душе у молодого Фалько Ройтера. Когда спустя полгода контракт закончился, он решил продлить его и остался в городе ещё на два с половиной года.

Он потряс головой и снова очутился в тёмной комнатёнке. Допив отвар, он улёгся на кровать, лишь сняв куртку и сапоги, его тотчас же окутали чары сна. Сон был тревожный, то и дело он просыпался и справлял нужду в ночной горшок. Поняв, что поспать в эту ночь не удастся, он зажёл свечу и поставил подсвечник на стол. Из-под топчана он достал маленький сундук, обитый железом. Отогнув одну из половиц, извлёк из-под неё ключ и, отворив сундук, принялся пересчитывать деньги, хранившиеся там. Рядом с серебряным дукатом стоял столбик из серебряных монет поменьше. «Один дукат и пять талеров, – отметил он и принялся за большую кучку меди. – Итого, – закончил он подсчёт, – один дукат, пять талеров, сорок семь... Нет, сорок восемь крейцеров и двадцать два пфеннига». Удовлетворённо он отложил часть суммы обратно в сундук, а несколько серебряных талеров и горстку меди сложил в кожаный кошель, который тут же подвесил на пояс. Убрав сундук и ключ на прежние места, он спустился во двор к колодцу, где набрал воды. Разведя огонь в камине, он снял несколько пучков сухих трав, разложил их по разным горшкам и поставил к огню. Его пробирал озноб, мучало похмелье, а тело болело от увечий. Весь день он только и делал, что отпаивался различными настоями, к еде почти не притрагиваясь.

К вечеру стало полегче, он намазал всё тело змеиным ядом, взглянув на пузырьрёк, он прикинул, что ему его хватит ещё на два использования. Закутавшись в шерстяное одеяло, он уснул. В эту ночь его сон был глубоким. Проснулся он поздно, озноб и похмелье отступили, что немало его порадовало, несмотря на ноющее тело. Перекусив солониной и сыром, он снова принялся за растирку.

В таком темпе прошло несколько дней, он не выходил из дома, лишь единожды попросил соседского паренька сбежать к пекарю и на рынок.

Прошло семь дней с момента пирушки с патриотами, Фалько стало намного лучше. «Отдых – это лучшее лекарство», – говорила ему мать, когда он был совсем ещё маленьким, незадолго до своей кончины. Этот её совет он запомнил на всю жизнь и не раз убеждался в его эффективности.

Поднявшись с топчана, он надел куртку, втиснул ноги в сапоги и вышел на улицу. Стояла слякоть, ночью прошёл дождь. Фалько поёжился и побрёл по улочкам, развернувшись к докам спиной. Выйдя из портового района, он оказался на широкой улице, тут было столпотворение из телег. Купчишки, устроившие затор, переругивались. Тон их повышался по мере того, как Фалько подходил ближе.

– Выпрягай свою клячу, старый дурень, – крутил кулачищем молодой детина, сидящий на козлах.

– Да как же я её выпягу, болван? – горланил второй.

«Будет драка», – подумал Фалько и, переборов соблазн поглядеть за тем, как развернутся события дальше, продолжил путь. Вскоре он оказался у большого двора с открытыми воротами, войдя вовнутрь, его встретила немолодая женщина с потрескавшимися тонкими губами, в платке, с большими, выпуклыми, как у рыбы, глазами.

– Госпожа Штибер, – поприветствовал её Фалько.

Лицо женщины расплылось в улыбке:

– Господин Ройтер, куда же вы пропадали! – глаза её прищурились, и она ахнула. – Помилуйте, что у вас с лицом!

– Пустяки! – вспомнил про шрам Фалько. – Всего лишь нелепая случайность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.